

В. Г. Белинский

Идея искусства

Виссарион Григорьевич Белинский

Идея искусства

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2785115*

Аннотация

Статья написана в 1841 году и предназначалась для задуманной Белинским «Критической истории русской литературы». Белинский ставит здесь с большой глубиной вопрос о сущности художественной формы и содержания. Его учение направлено против формализма и плоского эмпиризма. Белинский не закончил статью и остановился как раз на определении идеи искусства, но он его дал в ряде других статей, в которых уже окончательно порвал связь с гегелевской эстетикой.

Содержание

Примечания
Комментарии

35

Виссарион Григорьевич Белинский Идея искусства

Искусство есть *непосредственное* созерцание истины или мышление в *образах*.

В развитии этого определения искусства заключается вся теория искусства: его сущность, его разделение на роды, равно как условия и сущность каждого рода¹.

Первое, что особенно должно в нашем определении искусства поразить собою, как странностию, многих из читателей, – есть без сомнения то, что мы *искусство* называем *мышлением* и тем самым соединяем между собою два самые противоположные, самые несоединимые представления.

В самом деле, философия всегда враждовала с поэзиею, – и в самой Греции, истинном отечестве и поэзии, и философии, философ осудил поэтов на изгнание из своей идеальной республики, хотя и увенчал их предварительно лавра-

¹ Это определение еще в первый раз произносится на русском языке и его нельзя найти ни в одной русской эстетике, пиитике или так называемой теории словесности, – и поэтому, чтобы оно не показалось странным, диким и ложным для тех, которые слышат его в первый раз, мы должны войти в самые подробные объяснения всех представлений, заключающихся в этом совершенно новом у нас определении искусства, – хотя бы многое тут и не относилось собственно к искусству или могло бы для людей, знакомых с наукою в ее современном состоянии, показаться, неважным, лишним, мелочно-подробным.

ми.^[1] Общее мнение приписывает поэтам живую, страстную натуру, которая заставляет их увлекаться настоящим мгновением, забывая о прошедшем и будущем, приятному жертвовать полезным; ненасытимую, ничем и никогда не удовлетворяемую жажду наслаждения, всегда предпочитаемого нравственности; легкость, изменчивость и непостоянство во вкусах и стремлениях, наконец – беспокойную фантазию, которая всегда увлекает их от действительного к идеальному и отнимает в их глазах цену верному *счастью дня* для прекрасной и несбыточной мечты. Напротив, философам общее мнение приписывает стремление к мудрости, как высшему благу жизни, непонятному для толпы и недостижимому для людей обыкновенных; вместе с тем оно почитает их неотъемлемыми качествами – несокрушимую силу воли, постоянство в стремлении к единой и неизменной цели, благоразумие в поступках, умеренность в желаниях, предпочтение полезного и истинного приятному и обольщающему, умение достигать в жизни благ прочных, действительных и наслаждаться, находя их источник в самих себе, в таинственной сокровищнице своего бессмертного духа, а не в призрачной внешности и калейдоскопической пестроте обманчивых обольщений земной жизни. И потому общее мнение видит в поэте любимое дитя, счастливого баловня при страстной матери-природы, дитя испорченное, шаловливое, капризное, часто злое даже, но тем больше очаровательное и милое; в философе видит оно строгого служителя веч-

ной истины и мудрости, олицетворенную правду в словах, добродетель в поступках. И потому первого встречает оно с любовью, и если, оскорбляемое его легкостью, изъясняет ему иногда свое негодование, то не иначе, как с улыбкою на устах; второго встречает оно с благоговейным уважением, сквозь которое просвечивают робость и холодность. Одним словом, простое, непосредственное, эмпирическое сознание видит между поэзией и философиею ту же разницу, как и между живою, пламенною, радужною, легкокрылою фантазиею и сухим, холодным, кропотливым и суровым брюзгою-рассудком. Но то же самое общее мнение, которое положило между поэзией и философиею такую же разницу, как бы между огнем и водою, жаром и холодом, – то же самое общее мнение, или непосредственное сознание указало им и одинаковое стремление к единой цели – к небу. Поэзии приписывает оно божественную силу восхищать к небу дух человеческий высокими ощущениями, возбуждая их в нем прекрасными нерукотворными образами общей жизни; делом философии поставляет оно роднить дух человеческий с тем же небом и теми же высокими ощущениями, но возбуждая их живым сознанием в мысли законов общей жизни.

Мы нарочно привели здесь простое, естественное сознание толпы: оно всем доступно и вместе с тем, включает в себе глубокую истину, так что наука вполне подтверждает и оправдывает его. Действительно, в самой сущности *искусства* и *мышления* заключается и их враждебная противополо-

ложность, и их тесное, единокровное родство друг с другом, как мы увидим ниже.

Все сущее, все, что есть, все, что называем мы материею и духом, природою, жизнью, человечеством, историею, миром, вселенною, – все это есть *мышление*, которое само себя мыслит. Все существующее, все это бесконечное разнообразие явлений и фактов мировой жизни, есть не что иное, как формы и факты мышления; следовательно, существует одно мышление и кроме мышления ничто не существует.

Мышление есть действие, а всякое действие необходимо предполагает при себе движение. Мышление состоит в диалектическом движении, или развитии мысли из самой себя. Движение или развитие есть жизнь и сущность мышления: без них не было бы движения, а была бы какая-то мертвая, неподвижно стоячая пребываемость первосущных сил только что наклонувшейся жизни, без всякого определения, осуществившаяся въяве картина хаотического состояния души, с такою ужасающею верностию изображенная поэтом:

То было тьма без темноты;
То было бездна пустоты
Без протяженья и границ;
То были образы без лиц;
То страшный мир какой-то был
Без неба, света и светил,
Без времени, без дней и лет,
Без промысла, без благ и бед;

Ни жизнь, ни смерть – как сон гробов,
Как океан без берегов,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, мрачный и немой.^[2]

Точка отправления, исходный пункт мышления есть божественная абсолютная идея; движение мышления состоит в развитии этой идеи из самой себя, по законам высшей (*трансцендентальной*) логики или метафизики; развитие идеи из самой себя есть ее прохождение через собственные моменты, – как мы покажем: это ниже самым примером.

Развитие идеи из самой себя или изнутри самой себя называется на философском языке *имманентным*. Отсутствие всяких внешних вспомогательных способов и толчков, которые мог бы представить опыт, есть условие имманентного развития; в жизненном содержании самой идеи заключается органическая сила имманентного развития, – так живое зерно заключает в недрах своих силу своего развития в растение, – и чем богаче жизненное содержание, в недрах зерна заключенное, тем могущественнейшее растение развивается из него, и наоборот: из жолудя и из маленького орешка развиваются величественный дуб и огромный кедр, в облака упирающиеся своими вершинами, а из картофелины, которая может быть в 50 раз больше жолудя и в 1000 раз больше кедрового ореха, – огородная былинка, едва ли на несколько вершков возвышающаяся над землю.

Мышление необходимо обуславливает собою существова-

ние двух противоположных, как явления, сторон духа, которые обе находят в нем свое примирение, единство и тождество: это – дух *субъективный* (внутренний, мыслящий) и дух *объективный* (внешний первому, мыслимый, предмет мышления). Человек в отношении к самому себе...² Из сего ясно видно, что мышление, как действие, необходимо предполагает два противоположные <друг> другу предмета – мыслящий (субъект) и мыслимый (объект), и что оно невозможно без разумного существа – человека. После этого нас вправе спросить: каким же образом весь мир и сама природа есть не что иное, как мышление?

Мыслимое с мыслящим – однородно, единосущно и тождественно, так что первое движение первобытной материи, стремившейся стать (*werden*) нашей планетой, и последнее разумное слово сознающего человека есть не что иное, как одна и та же сущность, только в различных моментах своего развития. Сфера познаваемого есть почва, из которой возникает и образуется сознание.

Ничто, повидимому, так ни противоположно и ни враждебно одно другому, как природа и дух, и в то же время ничто так и ни родственно и ни единосущно одно с другим, как природа и дух. Дух есть причина и жизнь всего сущего; но сам по себе он есть только возможность бытия, но не его действительность; чтобы стать (*werden*) бытием действительным, он должен был явиться тем, что мы называем миром, и

² Фраза в рукописи не закончена. – *Ред.*

прежде всего стать природою.

Итак, природа есть первый момент духа, из возможности стремящегося стать действительностию. Но и тот первый шаг его к бытию действительному не был им сделан вдруг, но совершался в последовательном ряде множества моментов, из которых каждый ознаменовался особенною ступенью творения. Прежде, нежели явились творения, населяющие землю, образовалась сама земля, и образовалась не вдруг, а постепенно, перейдя через множество превращений, претерпев множество переворотов, но так что всякий последующий переворот был ступенью к ее совершенству³. Закон всякого развития есть то, что каждый последующий момент есть выше предшествовавшего. Но вот планета наша готова, – и из недр ее возникают миллионы созданий, образующие собою три царства природы. Мы видим их в беспорядке, в хаотическом смешении: на вершине дерева сидит птица, у корня змея сторожит свою добычу, возле пасется вол и т. д. Воля человека на одном небольшом пространстве соединяет самые разнородные явления природы: белого медведя, жителя полярных льдов, со львом и тигром, жителями знойных стран тропических; разводит в Европе американские растения – табак и картофель, и в северных странах, с помощью теплиц, возвращает роскошные плоды вечно весеннего юга. Но в этом хаотическом беспорядке, в этой пестрой смеси,

³ Новая Голландия и теперь еще представляет собою зрелище недостигшего своего развития материка.

в этом бесконечном разнообразии теряется и исчезает только утомленный взор человека: разум же его видит в этих явлениях строгую последовательность, непреложное единство. Отвлекая от этих бесконечно разнообразных и бесконечно-бесчисленных явлений природы их общие свойства, он доходит до сознания родов и видов, – и нестройный хаос исчезает перед ним, уступая место совершенному порядку; миллионы случайных явлений превращаются в единицы необходимых явлений, из которых каждое есть навсегда остановившийся в своем полете момент воплощения развивающейся божественной идеи! Какая строгая последовательность! Нигде нет скачков – звенья цепляются за звенья и образуют единую бесконечную цепь, в которой каждое последующее звено лучше предшествовавшего! Коралловые деревья соединяют минеральное царство с растительным; полипы – животнo-растения – соединяют живым звеном растительное царство с животным, которое открывается мириадами насекомых, этих как бы сорвавшихся с своих стеблей и летающих цветов, и, постепенно переходя до высших организаций, оканчивается орангутангом, этим неудавшимся человеком! Все свое место и время, и каждое последующее явление есть как бы необходимый результат предшествовавшего: какая строгая логическая последовательность, какое непреложно правильное мышление! Но вот является человек – и царство природы оканчивается – начинается царство духа, но духа, еще поработанного природе, хотя уже и порываю-

щегося к свободе чрез победу над нею. Полузверь и получеловек, он весь покрыт волосами, огромный стан его наклонен вперед, нижняя челюсть высунулась вперед, голени почти без икр, большой палец на ногах отстоящий; но его надежда уже не на одну силу, но и на ловкость и соображение. руки его вооружены, но не простою палкою, не дубиною, но чем-то вроде каменного топора, прикрепленного к длинной палке... В Австралии мы видим дикарей разделенными на племена: они пожирают подобных себе, – и физиологи говорят, что причина этого страшного заблуждения – их организация, требующая пищи из человеческого мяса, как наилучше претворяющегося в кровь и плоть питающихся им. Туземец Африки – ленивое, зверообразное, тупоумное существо, осужденное на вечное рабство и работающее из-под палки и смертельных истязаний. В Америке только мелкие племена, на окружающих ее островах, были подвержены человекоядению; на материке же ее были две огромные монархии, Перу и Мехика, представительницы высшего образования, до какого только могли достигнуть дикари высшей против других организации. Какая правильная постепенность, какая строго непреложная последовательность в этих переходах из низшего рода в высший, из низшей организации в высшую, в этом бесконечном стремлении духа найти самого себя, как самосознающую личность. Принимая новую форму и как бы не удовлетворяясь ею, он не разрушает ее, но оставляет как воплощенный и навсегда прикованный к пространству мо-

мент своего развития, – и принимает новую форму как выражение нового момента своего развития. Бедные сыны Америки и теперь остались теми же, какими застали их европейцы. Переставши бояться огнестрельного оружия, как гласа богов раздраженных, даже научившись употреблять его сами, – они все-таки нисколько не очеловечились с тех пор, и дальнейшего развития человеческого существа мы должны искать в Азии. Только тут кончилось творение, природа совершила свой полный круг и уступила свое место новому чисто духовному развитию – истории. Тут опять разделение человеческого рода на расы – и племя кавказское является цветом человечества. Из колен и племен образуются народы, из семейств – государства, – и каждое государство есть не что иное, как момент духа, развивающегося в человечестве, и даже время явления каждого соответствует моменту развивающейся из себя абстрактной мысли или философскому мышлению. И для человечества те же законы, что и для человеческой личности: и для него есть эпохи младенчества, юности и возмужалости. В своей священной колыбели – Азии, оно – дитя природы, спеленанное ею по рукам и по ногам, исповедует непосредственную веру предания, живет религиозными мифами, до тех пор, пока в Греции не вышло из-под опеки природы, а темные религиозные верования из символов не возвысило до поэтических образов и не просветлило светом разумной мысли. Жизнь греческого народа была цветом древней жизни, конкрецией ее элементов,

богатым пиром, за которым последовал упадок древнего мира. Младенчество кончилось – наступил период юности, период религиозный по преимуществу, рыцарский, поэтический,^[3] полный жизни, движения, романических подвигов, несбыточных предприятий. Открытие Америки, изобретение пороха и книгопечатания были внешними толчками для перехода человечества из юношеского возраста в эпоху зрелости, продолжающейся и теперь. Каждый век вытекал из другого, и один был необходимым результатом другого.

Старясь в сомненьях
О великих тайнах,
Идут невозвратно
Веки за веками;
У каждого века
Вечность вопрошает:
Чем кончилось дело?
Вопроси другого!
Каждый отвечает.^[4]

Каждое важное событие в человечестве совершается в *свое время*, а не прежде и не после. Каждый великий человек совершает дело своего времени, решает современные ему вопросы, выражает свою деятельность духом того времени, в которое он родился и развился. В наше время невозможны ни крестовые походы, ни инквизиция, ни всемирное владычество державного священника; в средние века невоз-

можно были ни эта личная безопасность, которую пользуется каждый из членов новейшего гражданского общества, ни это свободное развитие, возможность которого предоставляет новейшее гражданское общество даже последнему из своих членов, ни эти великие победы духа над природою, или, лучше сказать, это полное покорение природы духу, которое выразилось в паровых машинах, почти уничтоживших время и пространство. Организации, подобные организациям Колумба, Карла V, Франциска I, герцога Альбы, Лютера и пр., возможны и в наше время, как они и всегда были возможны; да только явившись в наше время, они совсем не так бы действовали и не то бы совсем сделали.

Итак, от первого пробуждения довременных сил и элементов жизни, от первого движения их в материи чрез всю лестницу развивавшейся в творении природы до венца творения – человека; от первого соединения людей в общества до последнего исторического факта нашего времени – одна цепь развития, нигде не прерывающаяся, единая лестница с земли на небо, в которой нельзя подняться на высшую ступень, не опершись на ту, которая под нею! И в природе, и в истории владычествует не слепой случай, а строгая, непреложная внутренняя необходимость, по причине которой все явления связаны друг с другом родственными узами, в беспорядке является стройный порядок, в разнообразии единство, и по причине которой возможна наука. Что же такое эта внутренняя необходимость, дающая смысл и значение всем

явлениям бытия, и эта строгая последовательность и постепенность, в которой явления следуют друг за другом, как бы выходя друг из друга? Это – *мышление, само себя мыслящее*.

Природа есть как бы средство для духа стать действительностью и увидеть и сознать самого себя. Посему ее венец – человек, с которым окончилась и на котором остановилась ее творческая деятельность. Гражданское общество есть средство для развития человеческих личностей, которые суть – всё и в которых живет и природа, и общество, и история, в которых снова повторяются все процессы мировой жизни, то есть природы и истории. Каким же образом это происходит? Через мышление, посредством которого человек проводит чрез себя все вне себя существующее – и природу, и историю, и, наконец, собственную свою личность, как будто бы и она была чуждый и вне его находящийся предмет.^[5]

В человеке дух обрел самого себя, нашел свое полное и непосредственное выражение, сознал в нем себя как субъект или личность. Человек есть воплощенный разум, существо *мыслящее* – титул, которым он и отличается *от* всех других существ и возвышается как царь надо всем творением. Подобно всему в природе существующему, он есть мышление уже по одному непосредственному существованию как факту; но еще более есть он мышление по действию своего разума, в котором повторяется, как в зеркале, все бытие, весь мир, со всеми его явлениями, физическими и умственными. Средоточие и фокус этого мышления есть его *я*, которое или

которому он противопоставляет и на которое он рефлектирует (отражает) всякий мыслимый им предмет, не исключая и самого себя. Еще не приобретши никаких идей, он уже рождается мыслящим, ибо самая природа его непосредственно открывает ему тайны бытия, – и все первоначальные мифы младенчествующих народов суть не выдумки, не изобретения, не вымыслы, а непосредственное откровение истины о боге и мире и их отношениях, откровения, которые своею образностью действовали на младенческий ум не прямо, а чрез фантазию передавались сперва чувству. Вот религия в ее философском определении: непосредственное представление истины.

Во всяком младенчествующем народе замечается сильная склонность выражать круг своих понятий видимым чувственным образом и, начиная с символа, доходить до поэтических образов. Это второй путь, вторая форма мышления – искусство, которого философское определение есть – непосредственное созерцание истины. Мы к нему скоро возвратимся, так как оно составляет главный предмет нашей книги.

Наконец, вполне развившийся и созревший человек переходит в высшую и последнюю сферу мышления – в мышление чистое, отрешенное от всего непосредственного, все возвышающее до чистого понятия и опирающееся на само себя.

Очевидно, что все это только три различные пути, три различные формы одного и того же содержания, которое есть – бытие. Как бы то ни было, только эти три рода мышления,

если можно так выразиться, совсем не то, что мы называли мышлением до человека, миром природы и истории. Действительно, это не одно и то же, хотя и одно и то же, точно так же как человек-младенец и человек-муж есть не одно и то же существо, хотя последний все-таки есть не что иное, как новая и высшая форма первого.

Читатели не забыли, что в нашем определении искусства мы употребили слово «непосредственный»; вероятно, также они заметили, что и потом мы часто его употребляли. Значение этого слова так важно, оно заменяет собою так много слов, и посему частое употребление его так необходимо, что мы почитаем долгом сделать отступление от предмета для его объяснения.

Слово «непосредственный» и происходящее от него «непосредственность» взято с немецкого языка «unmittelbar» и принадлежит новейшей философии. Оно означает и бытие, и действие, прямо из самого себя выходящее, без всякого посредства. Объясним это примером. Если вы знаете человека по его образу мыслей и его образу жизни и характеру действий, любите и уважаете его за них, – вы знаете его не непосредственно, потому что <он> открылся вашему разумению не непосредственно, а посредством своего образа мыслей, жизни и действий. И таким вы можете передать его и разумению другого человека, никогда его не видавшего, – и из ваших слов этот другой может почувствовать к нему такое же уважение и такую же любовь. Но тут

еще не весь человек, а только тень, которую он от себя отбрасывает, не сам человек, а только его описание. Когда вы слышите от другого рассказ о таком человеке, – ум ваш занят более или менее ясным представлением разных хороших или дурных качеств, но воображение ваше пусто, – в нем не отражается, как в зеркале, никакого живого образа, который бы говорил сам за себя или подтверждал бы то, что вам говорят о нем. Что ж это значит? – То, что как описание примет человека не дает ясного представления его наружности, так и изображение^[6] его хороших или дурных качеств, как бы ни были они замечательны, не даст живого созерцания личности человека: надо, чтобы он сам за себя говорил, вне своих хороших или дурных качеств. Есть лица, которые, будучи и хороши, и дурны, не оставляют в нашей памяти резкого следа и скоро исчезают из нее. Есть, напротив, другие, которые, повидимому, ничего не имея особенного, резко хорошего или резко дурного, с первого взгляда навсегда остаются в вашем воображении. Это особенно поразительно в отношении к женским лицам: часто ослепительная красота уступает в нашем созерцании место самому скромному, самому, кажется, обыкновенному лицу. Причина такой разности в впечатлениях, производимых тою или другою личностью, без сомнения, заключается в самой этой личности, но тем не менее эта причина не выговариваема словом, как всякая тайна. Вот человек: смело и бойко говорит он обо всем, ловко и искусно дает вам <знать> о своих высоких качествах:

по его словам, он живет в одном высоком и прекрасном, готов отдать за истину свою жизнь; вы слушаете его, видите в нем много ума, не отрицаете даже и чувства; его мнение о самом себе кажется вам правдоподобным, – и между тем вы остаетесь к нему холодны, он не возбуждает в вас никакого живого интереса. Что это значит? – Конечно то, что вы бессознательно чувствуете какое-то противоречие между его словами и им самим. Рассудок ваш одобряет его слова, берет их как данные для суждения о нем, а *непосредственное* впечатление, которое он производит на вас, возбуждает <в> вас недоверчивость к его словам и отталкивает вас от него. Но вот другой человек: он так чужд всяких претензий, так прост, так обыкновенен; он говорит о том же, о чем и все говорят, – о погоде, о лошадях, о шампанском, об устрицах, – а между тем вы, видя его в первый раз, как будто по какому-то капризу своего чувства, назло вашему рассудку уверяетесь, что этот человек не то, чем кажется, что ему открыты высшие идеальные области и глубочайшие тайны бытия, – и он смело и прямо, как свою собственность, берет вашу любовь и уважение, прежде нежели вы успеете заметить это. Здесь опять та же причина – сила и власть непосредственного впечатления, которое производит на вас этот человек. Все, что скрывается в его натуре, – все это выражается в самых его движениях, жестах, голосе, лице, игре физиономии, словом – в его *непосредственности*. Так точно иногда вся роскошь образования, умственного, эстетического и светского, даже

при выгодной наружности, не возбуждает в нас к женщине того трепетного, музыкального чувства, которое внушает присутствие женщины, того благоговения, каким оно нас оковывает; а простая девушка, лишенная всякого образования, но которой натура глубока и богата, одним спокойным взглядом заставляет опускаться дерзко устремленные на нее взоры, как будто бы их поразили лучи солнечные. По той же самой причине вы иногда тяготитесь и скучаете самыми острыми словами, самыми умными шутками, не находя в них ничего забавного, кроме претензии быть забавными, и вы же не можете без смеха ни слышать ни одного слова, ни видеть ни одного движения иного человека, хотя ни в его словах, ни в его движениях, повидимому, нет ничего смешного, так что, рассказывая о них кому-нибудь и думая произвести несомненный эффект, вы сами находите, к своему удивлению, что в них ровно ничего нет и что вся их обаятельная сила заключалась в *непосредственности* того человека.^[7]

Эта же самая непосредственность, составляющая такое важное условие *личности* всякого человека, является и в *действии* человека. Бывают случаи, в которых наша натура как бы действует за нас, не ожидая посредничества нашей мысли или нашего сознания, – и мы как бы инстинктивно поступаем там, где, повидимому, невозможно действовать без сознательного соображения. Так, например, случается, что человек, сильно ушибшись или подвергавшись опасности сильно ушибиться об какой-нибудь, незамеченный им

по рассеянности или по сосредоточенности в себе, предмет, – всякий раз, как проходит мимо того места, хотя бы ночью, наклоняется бессознательно. Такое действие есть вполне *непосредственное*. Но гораздо выше и поразительнее те непосредственные действия человеческого духа, в которых проявляется его высшая жизнь. Как бы ни было свято и истинно убеждение человека, как бы ни были благородны и чисты его намерения, но чтобы высказать или привести их в исполнение, для этого еще недостаточно ни силы убеждения, ни благонамеренности стремления: для этого необходим тот вдохновенный порыв, в котором сливаются воедино все силы человека, физическая природа его проникает собою духовную его сущность, которая, в свою очередь, просветляет собою физическую его природу, разумное действие становится инстинктивным движением, и, наоборот, мысль делается фактом, действие разумной и свободной человеческой воли – непосредственным явлением. История представляет нам поразительный пример подобного непосредственного проявления силы человеческого духа, торжествующего даже над законами природы: сын Креза был от рождения нем, но увидев, что неприятельский солдат хочет, по незнанию, убить его отца, вдруг получил употребление языка и воскликнул: «Воин, не убивай царя!» Но и этот пример, как ни поразителен он, еще не представляет самого высшего проявления непосредственной разумности: ее можно видеть во всей бесконечности ее великого значения только в

тех свободных и разумных действиях человека, в которых обнаруживается его высшая духовная природа^[8] и стремление к бесконечному. Вся история человечества, с одной стороны, есть не что иное, как бесконечный ряд картин такого рода непосредственно-разумных и разумно-непосредственных действий, в которых личное желание сливается с внешнею для личности необходимостью, воля делается инстинктом, порыв к действию – самим действием. Непосредственность действия не исключает из себя ни воли, ни сознания, – напротив, чем более того и другого участвует в нем, тем оно выше, плодотворнее и действительнее; но воля и сознание, сами по себе, как отдельно взятые элементы духа, никогда не переходят в действие и не приносят плодов в высших сферах действительности, ибо тут они являются силами, враждебными непосредственности, в которой заключается живая производительная сила.^[9] Начало и развитие природы, все явления истории и искусства совершались *непосредственно*.

Может быть, многим из наших читателей слово «непосредственный» покажется совершенно равнозначительным слову «бессознательный», а «непосредственность» – «бессознательности», – и они, может быть, упрекнут нас в суетном желании изобретать и вводить в моду новые и никому не известные слова для старых и всем известных понятий, давно уже выраженных тоже всем известными словами, и обвинят в педантской охоте вдаваться в излишние объяснения и ненужные отступления, которые не поясняют, а толь-

ко затемняют дело. Если это случится и если причину этого будет не опрометчивая невнимательность поверхностного читателя, – то уже, конечно, и не справедливость его обвинения, а разве то, что мы неудовлетворительно объяснили этот предмет. В непосредственности может быть бессознательность, но не всегда бывает, – и оба эти слова отнюдь не одно и то же и даже не синонимы. Природа, например, произошла непосредственно и вместе с тем бессознательно; исторические же явления, каковы начало языков и политических обществ, произошли непосредственно, но отнюдь не бессознательно; так же точно непосредственность явления есть основной закон, непреложное условие в искусстве, дающее ему высокое и мистическое значение; но бессознательность не только не составляет необходимой принадлежности искусства, но враждебна ему и унижительна для него. Слово «непосредственный» объемлет собою и заключает в себе гораздо обширнейшее, глубочайшее и высшее понятие, нежели слово «бессознательный»: это мы ясно докажем в дальнейшем развитии идеи искусства.

Условие непосредственности всякого явления есть вдохновенный порыв; результат непосредственности всякого явления есть – организация. Только вдохновенное может явиться непосредственно, только непосредственно явившееся может быть органическим, только органическое может быть живым.^[10] Организм и механизм или природа и ремесло – вот два мира, враждебно противоположные друг дру-

гу. Один – свободный, беспрестанно движущийся, изменяющийся, неуловимый в переливах цветов и красок, шумный и звучный; другой – оцепенелый в мертвенной неподвижности, рабски правильный и безжизненно определенный, с ложным блеском, поддельною жизнью, немой и безгласный. Явления первого мира, живые и непосредственно производящиеся, называются еще и вдохновенными или творческими; а явления второго мира – предметами механическими или произведениями рук человеческих. Разумеется, что этого не должно понимать буквально и первоначальную живоносную причину смешивать с посредствующею: все статуи и все картины делаются руками человеческими, но, несмотря на то, есть статуи и картины органические, вдохновенные, творческие, и есть статуи и картины механические, не созданные, а сделанные.

Очевидно, что созданным или творческим называется все, что не может быть произведено соображением, расчетом, рассудком и волею человека, даже все, что не может назваться и изобретением; но что непосредственно является из небытия в бытие или творящею силою природы, или творческою силою духа человеческого и что, в противоположность изобретению, должно называться *откровением*. Организация, составляющая существенное различие между произведениями творческими и произведениями механическими, очевидно, есть результат того процесса, посредством которого она возникает. Противопоставим природу ремеслу,

чтобы объяснить это примером. Когда у человека, изобретшего часы, мелькнула в голове первая мысль об этой машине, – дело не было кончено этим мгновением: не говоря уже о том, что <он> много должен был думать и соображать, прежде нежели приступить к выполнению своей мысли, – он должен был еще и беспрестанно поверять ее опытом и в опыте искать дополнения своей мысли. Созидая, он снова разрушал, слагая, разбирая, ибо всегда находил, что чего-нибудь да недоставало. Главный духовный деятель в акте его изобретения было *соображение, расчет, вычисление вероятностей*. Осторожно, будто впотымах, делал он шаг за шагом, работая головою и считая на пальцах. И потому его изобретение не могло быть тотчас же совершенным, но нужны были вековые успехи точных наук, чтобы оно могло дойти до совершенства. Хочет ли ремесло подражать природе, – тут еще поразительнее видно могущество одной и бессилие другого. Человек хочет сделать цветок – розу. Для этого он берет натуральную, долго и внимательно изучает ее во всех малейших подробностях – каждый лепесток, складку, перелив и оттенок цвета, общую форму, и уже после многих соображений и расчетов выкраивает и сшивает свой цветок из тканей, окрашенных под цвета природы. И в самом деле, как велико его искусство: за десять, шагов вы не отличите его искусственной розы от натуральной; но подойдите ближе – и вы увидите холодный, неподвижный труп подле прекрасного, полного жизни создания природы, – и ваше

чувство оскорбится мертвою подделкою. С радостным чувством схватываете вы очаровательный цветок – рассматриваете и обоняете его. Его листики и лепестки расположены так симметрически, так пропорционально, что их правильность может постигаться только нашим умом, а не поверяться нашими инструментами, слишком недостаточно для этого правильными, и потом каждый из них так тщательно, с такою заботливостию, с таким бесконечным совершенством отделан и изукрашен до малейших подробностей... Как роскошно прекрасен его цветок, сколько на нем жилочек, оттенков, какая нежная и яркая пыль... О, сам царь Соломон во славе своей не одевался так великолепно!.. И какое, наконец, упоительное благоухание!.. Но до сих пор, пока мы на эту розу смотрим сонне, любуясь <i> дивясь ее видом, цветом и запахом, искусственный цветок еще может быть сравниваем с нею, по крайней мере, хоть как пародия на нее, доказывающая своего рода силу и могущество человеческого ума; но^[11] разве в розе одним этим все оканчивается? О, нет! Это только внешняя форма, выражение внутреннего: эти чудные краски вышли изнутри растения, этот обаятельный аромат есть его бальзамическое дыхание... Загляните туда, внутрь этого цветка, – и всякое сравнение с ним искусственной розы уничтожится само собою, как нелепость, оскорбляющая здравый смысл. Там, внутри зеленого стебелька, на котором так грациозно держится этот роскошный цветок, там целый новый мир: там самостоятельная лаборатория жизненности,

там по тончайшим сосудцам, дивно правильной отделки, течет влага жизни, струится невидимый эфир духа... И между тем природа употребила на этот дивный цветок и меньше времени, и более простые и дешевые материалы, и нисколько труда, – соображения или расчета: пало в землю небольшое зерно, – и из земли вышло растение, оделось в листья и украсилось цветами на брачный пир весны... Уже в его зерне заключался и корень, и ствол, и красивые листочки, и пышный ароматический цвет, и вся архитектура растения, со всеми его формами и пропорциями! Но что же тут сделала природа? Чем же ознаменовала она свое участие в создании этого цветка? Повторяем: ей это ничего не стоило. Спокойно, без всяких усилий, повторяет она теперь однажды навсегда созданные ею явления. Но было мгновение, когда она страшно работала, в напряжении и борьбе всех сил своих... Когда всемогущее «Да будет» пробудило довременный хаос, небытие воззвало к бытию, возможность к действительности, идею к явлению, – тогда бесплотная божественная мысль, доременно существовавшая, из ничего явилась нашей планетой, – и долго вращалась эта планета то в океане воды, то в океане огня, – и высокие хребты гор на месте бывшего дна морского, подземные потоки вод и огней, бездонные моря, острова и озера, огнедышащие волканы свидетельствуют о ее страшных переворотах, прежде чем она стала тем, что теперь есть, о ее великой работе, которая и теперь еще не кончилась, судя по целому огромному матери-

ку, еще и доселе не совершенно сформировавшемся⁴. Да, это была великая работа; породила природа бесконечные ряды явлений, – и каждое из них было могучим, мгновенным и нечаянным порывом из тьмы небытия на свет жизни. Величественно и прекрасно здание вселенной! Как правилен этот голубой купол неба, по которому в таком строгом порядке, в такой неизменной правильности и гармонии восходит и заходит солнце, появляется и скрывается луна с мириадами звезд! И между тем не циркулю обязаны своим существованием эти круги и сферы, не было начертано на бумаге предварительного плана, и соображение математика не определило заранее этих бесконечных отношений между бесконечными величинами, тяжестями и пространствами: нет конца вселенной, нет числа небесным телам, и все они делятся на миры, подчиненные один другому, и каждое из них есть часть целого, составляющего как бы живое органическое тело, и находится во взаимном отношении и взаимной зависимости от всякого другого, – и все это пространство без границ, вся эта величина без измерения, все это множество без исчисления, составляющее собою единое и целое, родилось само из себя, заключая в себе и свои законы, и свои вечные неизменные числа и линии, и весь чертеж своего тоталитета. Вселенная есть божественная мысль, от вечности довременно существовавшая, как разумная возможность, и вдруг ставшая очевидною действительностию

⁴ Новая Голландия. – *Ред.*

через воплощение в форму. В полноте ее существования мы видим две, повидимому, противоположные, но, в сущности, родственные и тождественные стороны: дух и материю. Дух есть божественная мысль, источник жизни; материя есть та форма, без которой мысль не могла бы проявиться. Очевидно, что оба эти элемента нуждаются друг в друге: без мысли всякая форма мертва, без формы мысль есть только могущее быть, но не сущее. В явлении они составляют единое и нераздельное, проникая друг друга и исчезая друг в друге. Процесс их слияния воедино (конкреции)^[12] есть таинство, в котором жизнь как бы сокрылась от самой себя, не желая и самое себя сделать свидетельницей своего величайшего акта, своего торжественнейшего священнодействия. Мы знаем необходимость, но только ощущаем или созерцаем таинство этого процесса. Он есть необходимое условие жизненности явлений, и его результат есть – *организация*, результат которой есть *особность*, *индивидуальность* и *личность*.

Все явления природы суть не что иное, как частные и особные проявления *общего*. Общее есть идея. Что такое идея? По философскому определению, идея есть конкретное понятие, которого форма не есть что-нибудь внешнее ему, но форма его развития, его же собственного содержания. Но как мы чужды философского изложения нашего предмета, то и постараемся намекнуть о нем нашим читателям как можно менее отвлеченно, как можно образнее. Во второй части «Фауста» Гёте есть место, которое может навести нас

на предошущение значения «идеи», близкое к истине. Фауст, дав обещание императору вызвать пред него Париса и Елену, требует помощи у Мефистофеля, который неохотно указывает ему единственное средство для выполнения этого обещания.

«В неприступной пустоте, – говорит он, – царствуют богини; там нет пространства, еще менее времени: то *матери*». – Матери? – восклицает изумленный Фауст, – матери, матери, повторяет он, – это так странно звучит... – «Богини, – продолжает Мефистофель, – неведомые вам, смертным, и неохотно именуемые нами. Готов ли ты? Тебя не остановят ни замки, ни запоры; тебя обоймет пустота. Имеешь ли ты понятие о совершенной пустоте?» – Фауст уверяет его в своей готовности. – «Если б тебе надобно было плыть, – продолжает снова Мефистофель, – по *безграничному* океану, если бы тебе надобно было созерцать эту безграничность, – ты бы увидел там по крайней мере стремление волны за волною, ты бы увидел там нечто; ты бы увидел на зелени усмирившегося моря плескающихся дельфинов; перед тобою ходили бы облака, солнце, месяц, звезды; но в пустой, вечно пустой дали ты не увидишь ничего, не услышишь своего собственного шага, ноге твоей не на что будет опереться». – Фауст непоколебим: – В твоём *ничто*, – говорит он, – я надеюсь найти *все* (In deinem Nichts hoff ich das All zu finden). – Мефистофель после этого дает Фаусту ключ. «Ступай за этим ключом, – говорит он ему, – он доведет тебя до *матерей*». – Слово «ма-

тери» снова заставляет Фауста содрогнуться. – Матерей! – восклицает он. – Как удар поражает меня это слово! Что это за слово такое, что я не могу его слышать? – «Неужели ты так ограничен, – отвечает ему Мефистофель, – что новое слово смущает тебя?»... Мефистофель потом дает ему наставления, как он должен поступать в своем дивном путешествии, и Фауст, ощутив в груди своей новые силы от прикосновения к волшебному ключу, топнув ногой, погружается в бездонную глубину. – «Любопытно, – говорит Мефистофель, оставшись один, – возвратится ли он назад?» – Но Фауст возвратился и возвратился с успехом: он вынес с собою, из бездонной пустоты, треножник, тот треножник, который был необходим для того, чтобы вызвать в мир действительный красоту в лице Париса и Елены⁵^[13].

Да, страшное это слово «матери», без тайного содрогания нельзя его выговаривать, как будто бы это было одно из тех мистических слов, от которых бледнеет луна и мертвые шевелятся в гробах своих!.. Но еще более нужно отваги, чтобы пуститься в беспредельную пустоту и дойти до «матерей»!..

⁵ Все это место, содержащее в себе указание на «Фауста», есть выписка к статье Ретигера «О философской критике художественного произведения», сделанная переводчиком этой статьи, г. Катковым, и здесь целиком взятая нами. См. «Московский наблюдатель», 1838, часть XVIII, стр. 187 и 188.^[13]

^[13] Статья немецкого эстетика Г. Т. Рётшера сыграла роль эстетического манифеста для кружка Белинского в эпоху «примирения с действительностью». М. Катков в своем предисловии к переводу этой статьи подчеркивал, что она является популяризацией не только эстетики, но и общих философских начал. Через год Белинский уже крайне отрицательно относился к деятельности Рётшера.

Но кто не содрогнется и не отступит назад и не изнеможет в своем страшном подвиге – тот воротится с волшебным треножником, с которым можно вызывать тени давно умерших и бесплотные мысли одевать в благолепные тела... Эти «матери» – те первосущные, довременные идеи, которые, воплотившись в формы, стали мирами и явлениями жизни. Жизнь никого не страшит, но как красавица с огненным взором, розовыми ланитами и манящими поцелуи устами, она влечет к себе нас неодолимою обаятельною силою: закрыв глаза, потеряв сознание, мы бросаемся в ее объятия, – и мы смотрим на нее – не насмотримся, любим ее – не налюбимся... Но в нас сидит червяк, отравляющий полноту наслаждения; этот червяк – жажда знания. Лишь только он зашевелится, – очаровательный образ красавицы начинает от нас скрываться; червяк растет, превращается в змею, сосущую кровь из нашего сердца, – красавица исчезает совсем, и, чтобы вернуть ее, мы должны отвратить наш взор от форм и красок и устремить его на скелеты без жизни и красоты. Но скоро мы должны отказаться и от этого и ринуться в безграничную пустоту, где нет жизни, нет образов, нет звуков и красок, нет пространства и времени, где не на чем остановиться взору, не на что опереться ноге, где царствуют – матери всего сущего – бестелесные идеи, которые суть то *ничто*, из которого произошло *все*, которые были от вечности, прежде мира, и от которых двинулось время и потекли миры своим вековечным путем...

Итак, идеи суть матери жизни, ее субстанциальная сила и содержание, тот неиссякаемый резервуар, из которого немолчно текут волны жизни. Идея по существу своему есть общее, ибо она не принадлежит ни известному времени, ни известному пространству; переходя в явление, она делается особным, индивидуальным, личным. Вся лестница творения есть не что иное, как обособление общего в частное, явление общего частным. Из общей мировой материи вышла наша планета и, получив свою единичную и особную форму, в свою очередь, стала общею субстанциальною материею, которая беспрестанно стремится к обособлению в мириадах существ. Безобразные массы металлов и камней, не представляя собою никакой определенной формы, тем не менее представляют собою особные явления, имеющие свою, хотя и низшую и внешнюю, организацию. Некоторые из них даже организуются в определенные и правильные формы призм, как бы вырастающих из какой-то почвы, которая состоит из одинакового с ними вещества и служит им безобразным базисом. Организация растений выше, и вообще они представляют собою что-то уже высшее особности, хотя еще и не достигшее индивидуальности. В каждом из них равно необходимы и корень, и ствол, и ветвь, и лист, но число листов их неопределенно, и отшибенные не изменяют особности дерева; что же до ветвей, то хотя они...⁶

⁶ На этом слове обрывается рукопись. – *Ред.*

Примечания

Статья при жизни Белинского не печаталась. Впервые опубликована в собрании сочинений В. Белинского (изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина), ч. XII, 1862. В этом издании она напечатана по черновой рукописи, ныне хранящейся в отделе рукописей Всесоюзной библиотеки им. Ленина, № 3322 б. П. В настоящем издании воспроизводится по этой рукописи.

Статья написана в 1841 году и предназначалась для задуманной Белинским «Критической истории русской литературы». Белинский ставит здесь с большой глубиной вопрос о сущности художественной формы и содержания. Его учение направлено против формализма и плоского эмпиризма. Белинский не закончил статью и остановился как раз на определении идеи искусства, но он его дал в ряде других статей, в которых уже окончательно порвал связь с гегелевской эстетикой.

Комментарии

1.

Философ Платон.

2.

Цитата из «Шильонского узника» в переводе В. А. Жуковского.

3.

В рукописи надписано: романтический.

4.

Цитата из думы А. Кольцова «Великая тайна».

5.

На полях против этого места Белинский пометил план дальнейшего изложения: «Религия, искусство, философия. Мышление непосредственное. Мышление как...»

6.

Над словом «изображение» в рукописи надписано «отвлечение».

7.

В рукописи вслед за этим зачеркнуто: «Все эти примеры. Но все эти примеры (показыва) поясняют только одну сторону

понятия, заключенного в словах «непосредственный» и «непосредственность», и мы должны привести другие для показания такого этих слов...»

8.

Вслед за этим зачеркнуто: «В чем видна одна воля человеческая, одно сознание, – там не может быть неприкосновенного действия, которое одно плодотворно и действительно; и, напротив, в чем видна одна непосредственность, без всякой воли и сознания, – там нет никакой разумности и человеческое действие становится просто животным действием».

9.

«Начало и развитие» написано над зачеркнутой фразой: «Гегель сказал, что». Следовательно, в первой редакции эта фраза читалась так: «Гегель сказал, что начало и развитие природы, все явления истории и искусства совершались непосредственно».

10.

Первоначально следующая фраза читалась так: «Как произведениям природы противопоставляются произведения ремесел, так всему противоположные (явления) друг другу явления непосредственно являющемуся противопоставляется искусственное. Здесь два мира, враждебно стоящих друг

против друга, как жизнь и смерть, – один в беспрестанной подвижности, в переливах цветов и красок, шумный, беспрестанно-движущийся... и безгласный. Само собой разумеется, что к первому относятся непосредственно являющиеся явления...»

11.

Вслед за этим в рукописи зачеркнуто: «Но не внешнею только формою оканчивается наша роза, должно ограничиться рассмотрение естественной розы, и как скоро мы заглянем внутрь ее – всякое сравнение с нею искусственно уничтожается, как нелепость, оскорбляющая здравый смысл...»

12.

Слово «конкреция» Белинский собирался специально пояснить. Он поставил звездочку, но пояснения не вписал.

13.

Статья немецкого эстетика Г. Т. Рётшера сыграла роль эстетического манифеста для кружка Белинского в эпоху «примирения с действительностью». М. Катков в своем предисловии к переводу этой статьи подчеркивал, что она является популяризацией не только эстетики, но и общих философских начал. Через год Белинский уже крайне отрицательно относился к деятельности Рётшера.